

Век - 1992 - 20-27 ноября - с. 11

11

# Тяжела и неказиста жизнь не только у артиста

МУЗЫ И СЕЙФЫ

Олег Старухин

После публикации материала «Кровь из носу в мире шоу-бизнеса» («Век» № 11), в котором музыкант Роман Рябцев рассказывал о конфликте группы «Технология» со своим продюсером и закулисных секретов отечественной поп-индустрии, я решил встретиться с Юрием Айзеншписом. Выразив в телефонной беседе свое негативное отношение к напечатанному, Айзеншпис отказался от полемики в газете, считая, что «время рассудит, кто прав — я или «Технология». Тем не менее наше интервью о проблемах отечественного шоу-бизнеса состоялось.

— Юрий Шмилевич, ни для кого не секрет, что списки популярности отечественных исполнителей составляются явно не по письмам читателей и телезрителей. Вопрос ребром: сколько сегодня стоит первое место в хит-параде?

— Не знаю. Ни разу не платил за появление в хит-парадах продюсируемых мною артистов. Я просто не придаю этим спискам значения, так как в них рядом с популярными и талантливыми исполнителями стоит откровенная халтура и безвкусица. И даже не посвященному в тонкости шоу-бизнеса человеку становится ясно, что далеко не все группы и певцы попали сюда «по письмам трудящихся».

— А сколько нужно денег, чтобы из никому не известного певца сделать «звезду»?

— На сегодняшний день — 15-20 миллионов. Если пересчитать эту сумму по курсу рубля к доллару, то получится не так уж много. Однако здесь, как и в любом виде бизнеса при равном стартовом капитале, один получает многократную прибыль, а другой — прогорает.

— Тогда расскажите о своей «кухне» подготовки «звезд».

— Ко мне постоянно обращаются разные исполнители и коллективы с просьбой о сотрудничестве. После нескольких бесед с музыкантами и изучения аудио- и видеоматериалов я делаю выводы, насколько эти ребята перспективны. Причем у меня нет какой-то специфической системы отбора. Руководствуюсь исключительно собственной интуицией, которая подводит меня крайне редко. И если у певца или певицы, на мой взгляд, есть будущее, заключаю с ними контракт. В отличие от западных продюсеров, берущих с исполнителей 90% прибыли, у меня условия менее жесткие: 40% — артистам, 60 — мне, продюсеру.

Потом я начинаю вкладывать в будущую «звезду» деньги: покупаю эфирное время на телевидении, нанимаю лучших специалистов — аранжировщиков, стилистов, клипмейкеров, опе-

раторов, фотографов, оформителей сцены. И по прошествии небольшого времени «звезда» готова. Ведь «звезду» можно сделать даже из глухого. Не веришь? А вспомни истерию вокруг «Ласкового мая». Сомневаюсь, чтобы кто-то из этой группы смог сыграть более трех «блатных» аккордов. Однако ажиотаж был колоссальный. Правда, я предпочитаю работать с артистами талантливыми и в основном — неизвестными. Потому что считаю себя человеком творческим. А в любом настоящем творчестве все должно начинаться с нуля. Тем более основной мой доход — не музыкальный бизнес. У меня немало торговых контрактов с ведущими западными фирмами, поэтому участие в отечественной шоу-индустрии для меня что-то вроде хобби. И мне не столь важно получать с музыкантов дивиденды. Гораздо приятнее — видеть, как из абсолютно сырого материала, ничем на первый взгляд не выделяющегося из общей серой массы, с твоей помощью получается «конфетка».

— А правда, что ваши методы подготовки «звезд» порой доходят до абсурда: запрещаете артистам появляться в людных местах, ездить в метро, заходить в «Мак-Дональдс»?

— Правда. Но абсурдом я это не считаю. Показавшись где-нибудь на Арбате или в «Мак-Дональдсе», музыканты волея-волей начинают общаться со своими фанатами-подростками. Это еще ни разу не шло «звездам» на пользу. Кумир, показавшийся перед публикой обычным человеком, перестает быть кумиром. Наверное, потому и начала падать популярность «Технологии», что, став «звездами», музыканты стали выходить за рамки искусственно созданного для них имиджа.

Еще я не разрешаю своим артистам во время концертов проводить время в барах, где другие музыканты, потягивая коктейли и ликеры, тусуются со смазливими девчонками. Во время шоу «звезды» должны держаться обособленно. Тем более, что дешевое тусовочное пижонство никому еще авторитета не прибавляло. Ведь попавший в божественную среду талантливый парень из простой семьи или провинциальная девчонка вряд ли удержат себя от новых соблазнов псевдокрасивой жизни. Все эти пижоны-тусовщики ради славы и денег готовы на любые грязные унижения: от обычного ползания на коленях перед более влиятельным человеком и до заключения брака, в котором любовью даже и не пахнет.

Но пусть у тебя после нашего разговора не складывается впечатление, что я считаю всех музыкантов эдакими слабохарактерными уболюдками. Покойный Виктор Цой, с которым мне вы-

пало счастье работать, был человеком удивительной скромности и душевной чистоты. Наверное, он потому и стал идеалом для многих молодых, что по своим человеческим качествам был на голову выше всех советских музыкантов, вместе взятых. Это я говорю без всякого преувеличения. Цой-человек в жизни был не менее благороден, чем Цой-артист, которого мы видели на сцене. Его имидж был абсолютно естественным.

Между прочим, я был первым, кто в бывшем Советском Союзе начал заниматься шоу-бизнесом. В 1965 году, когда западная музыка еще была под запретом, мои друзья создали первую советскую рок-группу. Назвали ее «Соколы», так как тайно репетировали в подвале возле одноименного московского метро. А я стал директором «Соколов». Но чтобы играть приличную музыку, нужны качественные инструменты, которые купить можно было лишь за валюту. Кстати, многие гастролирующие в Союзе артисты из соцстран, например некогда популярный Джордже Марьянович, продавали здесь после концертов свою аппаратуру. И я связался с торговцами валютой, которых в то время в Москве были считанные единицы.

Потом, обойдя тупые идеологические препоны всевозможных главлитов и худсоветов и сменив название на «Серебряные струны», «Соколы» стали профессиональным коллективом при Росконцерте. Но через некоторое время меня посадили в тюрьму за валютные операции и торговлю золотом. Хотя сейчас этим в разной степени занимается чуть ли не каждый...

— Вы начинали свой бизнес фактически с нуля. Из-за него провели в тюрьме в общей сложности семнадцать лет. Не обидно, что сейчас в шоу-бизнесе, да и в бизнесе вообще, вам часто приходится иметь дело с бывшими комсомольскими функционерами? Они-то попали в деловой мир не через тернии, да и деньги в оборот пускают не из своих личных сбережений...

— Да. Здесь ты попал в точку. Сейчас в России, да и в ближнем зарубежье, начался полный беспредел во всех сферах жизни, и в бизнесе в том числе. Суд, законы, милиция — не более, чем пустой звук. Так вот, беспредел этот во многом исходит от бывших аппаратчиков. Они у себя в комсомоле привыкли ко вседозволенности и безнаказанности за невыполнение обязательств и обещаний и менять стиль работы не хотят.

Когда я сидел в тюрьме, там были свои законы, свой кодекс чести. И все это соблюдалось всеми заключенными, включая и «авторитетов». Знаешь, среди «зеков» гораздо больше порядочных людей, чем среди бывших функционеров.